

Издательство "Узбекистан" - 1981/2.

Пейзаж Армении вогнут, приподнят к краям горизонта: на внутренних склонах чаши рукой человека насечены строки садов и лесопосадок, клетки огородов, деревни, целые городки с улицами, промышленными трубами и гидростанциями, линии высоковольтных мачт, шоссейные дороги. Все здесь отдельно, все различимо глазу — оползень пшеничного поля, купа деревьев, базальтовый кубик старинного храма, серебряные купола Бюраканской обсерватории; и все взаимосвязано, как части единой обжитой природы, — щели дорог и каналов и трещины ущелий, густые отары камней на пустошах и галечная россыпь овечьих стад на горных пастбищах, зеркала искусственных водоемов и голубое око Севана. Открытость, распаханность этого пейзажа таковы, что при желании его можно читать, как оглавление к стране, впечатавшей в эти голые холмы труд и чаяния многих поколений армян.

«Земля, как живое существо: она имеет свою душу. И без родной земли, без родины нельзя найти себя, свою душу... Сердце земли находится в сердце человека. Все берет начало в этом сердце». Так говорил Мартирос Сарьян, чье столетие со дня рождения Армения отмечала в этом году. Цветущая Армения в буйстве красок и уравновешенности линий, знакомая всем нам по полотнам Сарьяна, в каком бы краю мы ни росли, брала свое начало в сердце художника, воплотившего в своем творчестве вековую мечту народа о плодородии, изобилии родной земли, о радостной гармонии между человеком и природой.

Эти слова Сарьяна невольно приходили на память, когда с директором Научно-исследовательского института почвоведения и агрохимии Грантом Петровичем Петросяном мы шли по плодовому саду, между деревьями, увешанными свешившимися в вечернем воздухе яблоками, грушами, сливами.

**Национальный Восток
Армянской ССР**
увеличился за пять лет
на 40,3 процента вместо
предусмотренных 37,7
процента.
Сверх пятилетнего
задания народное
хозяйство получило на
400 млн. рублей
промышленной
продукции.
Сдерживающими темпами
развивается отечественная
промышленность,
определяющая научно-
технический прогресс,
заключающая в себя
материальность и
малую нерациональность.

Армения сдает в союзный фонд более 20 процентов свежих плодов персиков, собирает в год до 300 тысяч тонн винограда, причем особо сладкого и ароматного. Это от него, от винограда, спектр вкусовых оттенков у вин и коньяков Армении: неповторимый привкус ореха в «Эчмиадзине», плодов и ягод — в полусладком «Вернашене», свежего ржаного хлеба — в «Ошакане», шоколада — в «Арегине». Все это сорта винограда, культура их возделывания. Араратская долина лежит на 40-й широте Северного полушария, которая пересекает виноградарские страны — Португалию, Испанию, Италию, Грецию, на весь мир знаменитые своими винами, с которыми, однако, успешно соперничают вина Армении. Ученые Армении вывели 55 столовых и технических сортов винограда, площадь под виноградниками в советское время увеличилась в 6 раз.

Что такое эти шесть раз, можно себе представить, если учесть, что земля Армении скудна... землей: всех полей-то и почвы, на которых в Армении что-то растет, — 15 процентов ее территории.

Для сухих, каменистых пустошей в армянском языке есть слово, не нуждающееся в переводе, звучащее, как скрежет плуга о камень, — «кpp». С каждого гектара прежде первого урожая собирают до шести тысяч тонн камней, иные глыбы столь велики, что приходится их взрывать. Каждая пядь земли дорога здесь безмерно, дорога и в том прямом смысле, когда имеют в виду вложенные деньги.

Петросян показал нам и пальметтный сад: опорные столбы, на них, как нотные линейки, натянуты ряды проволоки, а на них, как лира, всего в двух измерениях, или как кисть руки (пальметта — по-итальянски рука) развернуто дерево: каждый плод, каждая веточка доступны глазу, а главное, солнцу и междурядной обработке. Для Армении смысл такого сада еще и в экономии земли: в привычном нам тенистом саду с круглыми кронами размещается в четыре раза меньше деревьев, чем в карликовом пальметтном.

«Это та же земля», — сказал Петросян про сад и махнул рукой в сторону, где огорожен сеткой участок, вроде вольера. В вольере один хищник, весьма опасный, — солончак. Белесые пятна соли проступают на почве Армении, как пот

на рубахе земледельца. В одной только самой плодородной в республике Араратской долине 30 тысяч гектаров отнято неживой землей, на которой ничего не растет, — содовым солонцом, 30 тысяч, которые, по твердому убеждению Петросяна, должны быть возвращены крестьянину. Солончак, загнанный в вольер, изучают, с ним сравнивают. Это, так сказать, контрольный экземпляр.

Рядом — сочная люцерна, поле розовой герани. «Это та же земля», — говорит Грант Петрович Петросян. Заметив искреннее изумление, он удовлетворенно шагает к виноградникам, где в каждом ряду шпалер под разными листьями густая зеленая тень туго, как саквояж, набита лытыми гроздьями. «И это та самая земля», — утверждает Петросян. И еще раз он произносит эту фразу, уже, кажется, для себя самого. Преобразование земли для него не образ, не фраза, а реальное дело, реальный успех.

В прошлом целые цивилизации гибли, не сумев справиться с засолением почв. Содовые солонцы занимают огромные площади в Австралии, Канаде, США, в Мексике, Бразилии, Индии, на африканском континенте... Отовсюду съезжаются специалисты в Армению, чтобы научиться превращать солонцы в плодородную землю.

— Как это делается? — Грант Петрович смеется. — Да в школьном учебнике химии изложена основная идея: капнешь кислоты на щелочь, щелочь нейтрализуется!

Хорошие идеи всегда просты, сложной бывает технология. Первые опыты по промывке засоленных земель проводились сорок лет назад и не дали ощутимых результатов. Еще два десятилетия ушло на поиски кислоты, которой надо было «капнуть» на щелочь, — так называемого мелиоранта. Зато, когда его все-таки нашли, он оказался столь быстродействующим и эффективным, что позволял всего за один вегетационный период вернуть бросовое поле земледельцу! Этим мелиорантом стал слабый раствор серной кислоты, содержащейся во многих промышленных отходах. Весной им заливают участок, осенью уже можно сеять озимую пшеницу.

«Предусмотреть мероприятия по сельскохозяйственному освоению земель Араратской долины», — записано в постановлении XXV съезда

партии. Петросян и его сотрудники поставили своей целью не только найти свою методику и осуществить ее на уровне эксперимента, но отработать всю технологическую цепочку от солончака до пшеничного колоса или виноградной кисти. Как разровнять участок, вспахать и выкопать щели (Армянский институт механизации и электрификации сельского хозяйства сконструировал специальный механизм — щеледелатель), как нарезать гектарные чеки с оградительными валиками (механизаторы и на сей случай применительно к условиям Армении предложили свой «валикоделатель»), какая нужна дренажно-коллекторная и оросительная сеть, какое на освоенном участке следует применить чередование культур; словом, определен целый комплекс гидротехнических, почвенно- и химикомелиоративных, агротехнических и биологических мероприятий, после чего можно сажать сад, разбивать виноградник или бахчу и получать до 350 центнеров с гектара арбузов, 250 центнеров плодов, 100—110 — винограда. Затраты должны окупить себя за 3—6 лет.

— Да если бы даже сто лет потребовалось!.. — со страстью сказал Петросян.

Вид праздной невозделанной земли, кажется, мучит его физически. Вот обочины у шоссе слишком широки, вот мачты высоковольтной передачи шагают прямо через поле, вот строители оставляют песчаные карьеры, мальчишки удят в них рыбу, а рыбководы в свою очередь строят пруды и отнимают зря драгоценную землю. Только вид праздного человека раздражает его сильнее. Созданный им два десятилетия назад институт поразила нас еще и тем, что при большом объеме исследований и достигнутых результатах имеет в штате всего 176 человек, а Ерасхаунскую экспериментальную станцию, включающую двести опытных гектаров, обслуживают три десятка рабочих и шесть тракторов.

Он хорошо умеет считать. Но есть для него что-то выше цифр. Чувство, близкое к тому, что заставляло Сарьяна упорно не замечать ни скудости армянской земли, ни ее камней, писать лишь ее плодородие. И это была чистая правда, как правда то, что каменистость почвы при жарком солнце благоприятствует накоплению в плодах сахара и ароматических веществ, как прав-

да, что из винограда, выращенного на бывших солончаках, получается сверхкачественный коньяк. Привкус рабочей соли в роскошных плодах Армении. Примесь всепоглощающей любви к этой земле — в самых повседневных делах человека. То, что Петросян попытался выразить в словах: «Да если бы даже через сто лет...»

Ближе к Севану горы синеют, как будто отсвет знаменитого озера ложится на склоны. К Севану ведет прекрасное шоссе, у Севана отличный пляж, и бары, и стоянка для туристских автобусов, и причал, от которого то и дело отплывают заполненные туристами прогулочные теплоходы.

У самых свай причала, на мелководе, две пожилые женщины из интуристского автобуса моют ноги. Их спутник, совсем глубокий уже старик, ждет их на берегу. Постоял-постоял и вдруг как был — в незакатанных брюках, в черных стариковских, высоко зашнурованных ботинках — шагнул в воду! Так и стоял в воде на негнувшихся ногах и улыбался растерянно и блаженно...

Судьба народа сложилась так, что только треть его живет на территории Советской Армении. Триста тысяч в послевоенные годы вернулись, многие приезжают в гости. Старик, похоже, небогат, в этих своих черных ботинках, серой бумажной ковбойке и черном войлочном берете. Но вот поднялся же, пустился в дорогу, чтобы еще раз увидеть Арарат и омыть ноги в Севане.

Севан для Армении больше чем озеро. Севан — жизнь армянской земли, ее благосостояние. Армения не только камениста, но и безводна. Неорошаемого земледелия здесь просто нет.

«Сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы электрификации, орошения, — настаивал В. И. Ленин в историческом письме к большевикам Закавказья 14 апреля 1921 года. — Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму». Каждое слово в этом послании было, как глоток живой воды. Однако пересоздание края было невозможно без электроэнергии. Ее источником стал Севан.

В 1936 году вошла в строй первая гидроэлектростанция на Раздане, единственной вытекающей из Севана реке, затем на коротком семидесяти-

площади, деликатно, необходимо теснит старые кварталы, отодвигает их в прошлое, переселяя людей в благоустроенные квартиры!

У Еревана нет возраста, хотя по календарным данным ему за 2700. К 60-летию республики в Ереване открыта первая очередь метрополитена, вторая пусковая стройка года — новый аэровокзал. Архитектура Еревана молода, складывалась в наше время. Но даже самым новым улицам чужда неспелость новостройки. Чем это достигается? Побывайте в новом Советском районе, где уже поселились сотни тысяч ереванцев. Продуманное расположение домов, необщее выражение фасадов, использование малых архитектурных форм по мотивам армянского народного зодчества, интимное решение площадок, скверов заранее создают ощущение обжитости, удобства.

По вечерам в Ереване задувает ветер; не жесткий, но упругий, он выметает с улиц дневной жар, ему рукоплещут всем своим серебром тополя. Окраины постепенно пустеют, закрываются магазины, хотя еще долго светятся недра булочных, где на полках, как фолианты, стоит плоский армянский хлеб. Заполнены залы библиотек, театров, филармонии, где выступает известная ныне любителям музыки во всем мире Государственная хоровая капелла Армении. В большой концертный зал под открытым небом превращается и центральная площадь Ленина. Старые и молодые, с детьми и в одиночку, сотни людей, они стоят, сидят на теплом камне парапетов и ступенек вокруг фонтана, ждут, когда начнется концерт светомузыки. Это тоже — городской обычай, привычка. Ее передадут детям, она станет традицией.

**Сергей БАБЛУМЯН,
Ирина ДЕМЕНТЬЕВА.**